

Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт. 2019» - Сопричастность

Номинация «Сопричастность» 2019

[Маркова Любовь Дмитриевна](#) (персональный номер участника - 46)

[Хузахметова Рауза Менгалимовна](#) (9)

[Халитова Алсу Салаватовна](#) (217)

[Архипов Ринат Николаевич \(Ринат Маннан\)](#) (7)

[Мавлиханов Рустам Ризаевич](#) (212)

1 место и звание лауреата – **Маркова Любовь Дмитриевна** (поэзия) – человек с интересной судьбой, она 33 года проработала воспитателем в детском саду в поселке Нивенском, жила в разных районах Калининградской области. Много сил и времени посвящено поэзии. Печаталась в Багратионовской районной газете, в региональном журнале культуры «Балтика», в альманахе ветеранов Калининградской области. Издано два сборника стихотворений. Проживает в посёлке Южный-2, Багратионовского района, Калининградской области.

Парад Победы

Последний воин той войны
По красной площади шагает.
Он – достояние страны,
Парад Победы принимает.

За ним шеренги тех, кто пал,
Идут, идут великим строем.
Партнёров мир не ожидал,
Что оживут они рекою.

И та река по городам,
По весям мира разольётся.
Не одолеть её врагам,
Ума и силы не найдётся.

А мы поддержим вечный строй,
Плечом к плечу все вместе встанем.
Ещё один за нами бой,
Мы марш победы дружно грянем.

Не ваш удел в героях быть
Там, где своих всегда хватает.
О войнах надо бы забыть,
Планета в мире быть желает.

Последний той войны солдат
По красной площади шагает.
Иконостас его наград

О мире думать заставляет.

За ним река течёт из тех,
Кто знает цену всем победам.
Забуть о них смертельный грех,
О давних и кровавых бедах.

Традиция

У нас традиция сложилась,
Врагов до дома провожать.
Но что-то, видимо, забылось.
Решили вновь повоевать?
Решили вспомнить, как бывает,
Когда пришёл незванный гость?
Не мирный кто-то всё решает,
Иль мы вам снова в горле кость?

Не троньте русского медведя,
Спокойно пусть в берлоге спит.
Ну как ещё вам всем ответить?
Ведь мир за бойню не простит.
И не внушайте нам иного –
Порядок ваш России чужд.
Иная ценность за основу –
Не ваш карман сегодня пуст.

Ну, наш. А вам-то что за дело?!
Решим всё сами, как-нибудь.
Умело или неумело,
Но сами свой осилим путь.
Не надо трогать нас, ребята,
Ведь мы готовы проводить
Туда, где вам жилось богато...
С войной не надо к нам ходить.

Спасибо всем

Спасибо всем, кто нас давил
И кто заставил нас очнуться.
Решили вы, что мы без сил,
Что честь и гордость не спасутся.
Решили вы – России нет!

Теперь вовек её не будет.
Она среди великих рек
Своё величие забудет.

Народ России никогда
Под вашим гнётом не воспрянет.
Его сломила нищета
И он добычей лёгкой станет.
Нам плохо было, так и есть.
За всё вам верою воздали.
За подлость вашу, злобу, лесь
Своё мы многое теряли.

И вы ударили туда,
Где ложь совсем не во спасенье.
Не напрягаясь, без труда,
Нам навязать решили мненье,
Что не такие мы, не те,
Кто миру лживому был нужен.
А мы в народной простоте
Раскрыли настеж души.

Давили вы, крепчал наш дух,
Звенела волюшка булатом.
Мы снова миру скажем вслух:
«Пытать на прочность нас не надо»!
Не одолеть! Слаба рука!
Кишка довольно тонковата.
Бьёт правдой каждая строка,
Порода гена виновата!

2 место и звание лауреата – **Хузахметова Рауза Менгалимовна** (публицистика) – Образование – высшее экономическое. Преподавала экономические дисциплины в университете (Димитровград Ульяновской области). Пишет стихи, сказки и рассказы для детей и взрослых, занимается переводами. Победитель многих литературных конкурсов (Казахстан, Россия, Великобритания). Автор книги стихов и рассказов «На крыльях мечты». Проживает в Казани.

9 мая

Мой отец никогда не рассказывал мне о войне. Никогда. Наверное, потому, что это очень страшно. А может, потому, что я для него всегда была маленькой – я самая младшая в семье. Но я знаю об этом от старших сестёр и брата.

До войны они жили в Москве – его родители, брат, сестра и он – мой будущий отец. Дружная семья, юность, увлечение спортом, служба на Черноморском флоте, учёба в институте физкультуры – всё разом оборвалось. Сначала забрали его отца, которого больше никто не увидел, а потом и его самого – молодого парня. Пять долгих холодных лет прошли на севере, а когда он вернулся, началась война.

Недавний краснофлотец, отец и воевал на море. Оборонительные бои под Севастополем, потом под Сталинградом, где ему пришлось тонуть... Он сумел дождаться помощи, продержавшись на воде трое суток. Дальше – оборона советского Заполярья... Было ли тяжело? Было ли страшно? – Об этом могут рассказать теперь только его боевые награды.

Мирное небо, семья, сын и пятеро дочерей – может быть, мы стали для отца самой главной наградой, такой радостной, но такой непростой? – Не знаю... Дети выросли и уходили – каждый своей дорогой. А отец – он продолжал работать, ждать редких приездов, а при встрече светился от счастья, отшучивался и говорил, что проживёт сто лет. Никому и в голову не приходило, что он уже старый. Отец и в самом деле был очень бодрым, крепким. И только потом из его дневников я узнала, как сильно болело у него сердце – сердце человека, так много повидавшего и пережившего. Человека, прошедшего не один круг ада, но не сломавшегося, не ожесточившегося, а продолжавшего жить, глядя на мир добрыми радостными глазами.

Когда я родилась, отцу было сорок восемь лет. А когда выросла, его уже не стало.

В трудную минуту я всегда вспоминала отца: он выдержал, и я должна выдержать. В радостную минуту вспоминала отца: сейчас он сказал бы мне «молодец» и порадовался со мной. В минуты сомнений вспоминала отца: как бы он посмотрел на мой поступок. Вспоминала, хотя вернее было бы сказать, что я его и не забывала.

Именно 9-го мая – в этот яркий праздничный день, Великий день, когда на радостную улыбку набегают горькие слёзы, особенно остро понимаешь, в каком долгу ты навсегда остался перед родителями. Я так много хотела сделать для отца, а не сделала и малого. Могла лишний раз позвонить и сказать несколько добрых слов – не позвонила. Могла просто подойти и молча обнять – не подошла. Могла посидеть рядом и поиграть в шахматы – не поиграла.

Прости... Прости... Прости...

3 место и звание лауреата – **Халитова Алсу Салаватовна** (малая проза) – родилась в селе Максютово Кугарчинского района Республики Башкортостан. Окончила БашГУ. Работает учителем русского языка и литературы в МБОУ СОШ № 1. Ее рассказы и статьи печатаются в районной и республиканской периодике. Проживает в селе Мраково Кугарчинского района, Башкортостан.

Тулупчик для сына

Зима. Ночь. Молодая женщина, закутанная в полушалок, торопливо идет по протоптанной дорожке к ферме на дежурство. Зимой сумерки наступают рано, поэтому колхозницам приходится идти на работу уже в темноте. Молодую женщину зовут Рамзия. Каждый день она трудится почти до потери сознания. Дежурят на колхозной овцеферме по два человека, ее же основная задача – ухаживать за агнятами, это самое ответственное в период массового окота овец. Тогда наступают горячие дни и

ночи. Ягнята рождаются почти ежеминутно. Нужно успеть принять новорожденного, унести в теплую комнату, вытереть его, чтобы не замерз, и постоянно присматривать, пока не поднимется на ноги, затем подпустить ягненка к матери. Бывает, некоторые молодые неопытные овечки со страху не подпускают к себе малышей. Тут нужно мастерство и умение, чтоб успокоить овцематку и заставить ее принять своего ягненка. А колхозная отара велика. На каждую работницу в смену приходится не много не мало почти по три сотни овцематок. Вот и крутись день-деньской, ни поесть тебе, ни отдохнуть вовремя. А еще и семья на плечах. Мужа в армию забрали. Кормить детей надо...

Послевоенные годы – не сытные. Страна еще в развалинах, поднимать ее надо было, вот колхозники, отрывая от себя, и отправляли все выращенное: мясо, зерно, другие продукты в центральные районы России, хотя самим бывало хоть на полку зубы клади. Взрослые еще понимали, а детям не объяснишь.

У Рамзии трое детей по лавкам. Старшему – Самату – четыре, средней, Гузалие, – три, а младшенькому, Булатику, не исполнилось еще и года. Вот и крутилась молодая женщина с утра до ночи. С работы вернется, сразу окунается в домашние дела: кушать приготовить, где прибраться, постирать, воды натаскать, скотину убирать. Вертелась как белка в колесе. Все бы ничего, только не повезло Рамзии со свекровью. Уж больна та была неуживчива характером. Ладно бы была родной матерью ее мужу. Мачехой доводилась. Осталась одна, отец Азамата умер, деваться было некуда, нрав свой до поры и времени прятала. Когда пасынок был дома, она маленько его побаивалась, все-таки мужик, да и сама в чужом доме. А как забрали Азамата, тут уж она развернула свой скверный характер во всей красе. Особенно она не любила детей. Видимо, из зависти, сама-то бездетная, вот мстила чужому бабьему счастью. Старшие, хоть и малы еще были, уже понимали и при голосе бабушки съезживались в комок и не звука. А младшенький, как на беду плаксивый был. Особенно если есть хотел. Тут бывало только Рамзия и могла его унять. Свекровь в порыве гнева грозилась выставить детей на улицу: пускай, мол, померзнут, если не перестанут мотать ей нервы своим ревом. Особенно младшего, Булата, терпеть не могла за его постоянный плач. Как-то заявила: «Еще раз твой выродок мне спать не даст, на дорогу выкину, чтоб он сдох». Рамзия не обратила внимания на угрозу, чего не наговорит пожилой человек в порыве гнева, не верила она, что свекровь способна на такое злодейство: хоть и не родные, а все-таки внуки. Дни сменялись ночами, свекровь терзала невестку, как собака шапку. Рамзия молчаливо терпела выходки злой мачехи-свекрови, с нетерпением ожидала возврата Азамата. Он-то защитит их от вздорной женщины. А, свекровь, видя безответность невестки, еще пуще ярилась, называя испуганных детей «нахлебниками».

С тяжелым сердцем, оставляла Рамзия детей со свекровью, так как нигде их не оставишь, у соседей самих детей куча-мала. И на ферму из никак не возмешь, не было у деток теплой одежды. В очередной раз, переживая по этому поводу, Рамзия пришла на ночное дежурство.

– Кызым, ну ты что опять нос повесила? Свекровь так и не дает тебе покоя? – участливо спросил Акбаш-бабай и успокаивающе похлопал по плечу: – Ладно, не переживай, никуда она не денется, будет смотреть за внуками, чай не зверь она. – И предупредил: – Смотри, надо быть начеку, сегодня уж очень студено, как бы ягнят не заморозить. Днем, вон говорят, двоих недоглядели.

– Хорошо, Акбаш-бабай, пойду я к ягняткам своим.

– Тырып тор але, кызым. Что я тут надумал для твоих детей. С ягнят, которые пали, мы можем снять шкурки, обработать их и затем сшить тулупчик и валеночки. Шкурок, конечно, потребуется много, но хотя бы на Булатика нашьешь и сможешь приводить его с собой на ферму, свекровь глядишь, подберет, с двумя-то легче будет управляться, чем с тремя. А? Как ты думаешь?

Рамзия от души поблагодарила аксакала за его великолепную задумку.

Две недели прошли с того разговора, но за этот небольшой срок она смогла набрать достаточно шкурок на тулупчик сыну. Акбаш-бабай помог их обработать. Очень уж хотелось маме за ночь сшить из этих шкурок одежду для младшенького. Акбаш-бабай справлялся на ферме один (может и не справлялся, однако, по-видимому, отвлекать маму от важной для нее работы не хотел). Рамзия надеялась уже сегодня, за время дежурства закончить тулупчик. Осталось немного. Взяла свое шитье и стала аккуратно, маленькими стежками сшивать оставшиеся части тулука.

Сидя у теплой печки и светлой лампы-керосинки Рамзия увлеклась работой, и незаметно воспоминания овладели ею. Каждая страничка ее нелегкой жизни развернулась перед ней. Особенно страшной была страница, когда началась Великая Отечественная война. Рамзии тогда было всего десять лет. Ростом махонькая, а уже была мамой. «Мамой» называли ее родные сестренки Резеда и Рамиля, потому как родителей у девочек не было. Когда отца репрессировали, а мать умерла, девочек забрали в детский дом. С тех самых пор девочка стала нести на себе «груз материнства», а говорить сестренкам, что она им вовсе не эсэй, почему-то не хотелось. Своим детским сердцем она понимала, каким ударом будет для сестренок осознание сиротства. Вот так и стала она мамой. Опекала своих сестренок, как могла, стирала на них, иногда подкармливала, отрывая от себя кусочек хлеба или же жмыха. Весенними днями, сбегала с уроков на полянки и глядишь, к концу занятий, приносила сестренкам пучки щавеля, дикого лука, охАПКИ сурепки. Вот так и жили. Об этих нелегких детдомовских годах Рамзия не забывала ни на минуту. Как бы тяжело ей не приходилось управляться с «дочками», ее радовало то, что их не разлучили, и они были вместе. Разлука постигла их после закрытия детского дома. Младших сестер забрали в разные семьи, а Рамзию забрала к себе женщина по имени Хамдия. Именно Хамдия и стала свекровью девушки, женив своего пасынка Азамата на Рамзии. Хамдия-эбей многому научила девушку по девичьей части воспитания, за что Рамзия была благодарна и даже иногда называла мамой. Потому-то странно и обидно было терпеть такое отношение ее к себе. В чем она провинилась? Часто свекровь ругалась, что устает с внуками, дескать, «они непоседы», а с маленьким вообще много хлопот, белья на него не напасешься, а его часто приходится купать и переодевать, невестка не обижалась на ее слова. Все-таки пожилая женщина, нервы сдают. Вот так за работой и воспоминаниями незаметно прошла ночь, время ее дежурства. Рамзия взяла тулупчик и заторопилась домой. Тут зашел Акбаш-бабай:

– Ну, что Рамзия, успела дошить за ночь?

– Ага, бабай. Посмотрите, какой ладный тулупчик получился, – не удержалась похвастаться молодая женщина.

Бабай взял одежонку, с видом знатока прошелся по швам и кивнул головой:

– Ладная работа. Ну, давай с Богом. Беги домой. Смена кончилась. Дети заждались.

Радостная Рамзия вышла из теплой подсобки во двор фермы и сразу почувствовала, какой мороз на улице, и как скрипит снег под ногами. На это она не обратила внимания и заспешила домой. Очень уж хотелось ей побыстрее примерить тулупчик на Булатика, и тогда она сможет уже утром взять сына с собой на овцеферму. Тишина разлилась по всей деревне. Даже не тявкали собаки. Наверное, попрятались от мороза. Из недалекого леса слышались выстрелы от трескающихся деревьев. И только узкая полоска рассвета предвещала наступление нового дня.

Откуда было знать Рамзии, что этот светлый наступающий день окажется самым черным в ее судьбе.

Приближаясь к дому, молодая женщина заметила темный бугорок на краю сугроба. «Вот коровушки, успели пометить свою дорогу», – развеселилась Рамзия, думая, что это коровий навозный бугорок, однако подойдя поближе, еле сдержала возглас. Рамзия разглядела замерзшее

тельце ребенка. С замиранием сердца, осторожно разгребла снег и увидела.... Это был ее Булатик.... Она смотрела на трупик, но не хотела признавать в нем своего Булата. Она не верила глазам и не хотела верить в такую жестокую несправедливость. Она ли не голубила своих детей, она ли не любила их до слез в глазах, она ли не отрывала их из голодных лап смерти? Откуда-то из глубины души вырвался страшный крик, заставив вздрогнуть замершую тишину деревенской улицы. Захлопали калитки домов, слышались голоса людей. Что с ней происходило дальше, она не понимала и не помнила. Сидя на снегу, Рамзия прижимала к сердцу своего младшенького и смотрела невидящими глазами куда-то вдаль. Только мысль билась птицей в ее мозгу: «Это она, свекровь. Она сделала это. Все-таки выполнила свою угрозу. Выбросила сына на улицу. О, Господи, Господи, что мне делать?» Без сил повалилась на снег молодая женщина.

Рассвет. Зачинается новый день. На краю сугроба лежит тулупчик, который сыну теперь не нужен.

Звание дипломанта – **Архипов Ринат Николаевич (Ринат Маннан)** – родился в 1946 году в г. Чистополь Республики Татарстан. Окончил Казанский государственный медицинский институт. Автор более 20 книг для детей и взрослых.

Член Союза Российских писателей, член Союза писателей Республики Татарстан.

Поэт-командир

*Посвящается 110- летию со дня рождения классика
татарской литературы, уроженца с. Аитово
Белебеевского района Республики Башкортостан
Фатиха Карима,
командира взвода 226-го сапёрного батальона
5-й армии 3-го Белорусского фронта.*

Февраль швыряет снег. Год 45-й.
Земля чужая – логово врага.
В окопах спят уставшие ребята,
Им каждая минута дорога.

От стен Кремля, от Сталинграда
Шагали по разрушенной стране.
Прошли они не раз все муки ада,
У чёрта на рогах бывали на войне.

...Теперь им снятся чаще не снаряды –

Поля родные и родимый кров.
Но смерть ещё совсем, совсем тут рядом,
За кем придёт – лишь знает один бог!

С утра им в бой. Идти вновь в наступление.
Взять высоту! И точка. Есть приказ.
Ещё дымят сожженные селенья
И что ещё грядущий день припас?!

Чуть рассвело. И взвод пошёл в атаку.
Каримов смелый командир: «Вперёд!»
А это значит – немцы дадут драпу,
И это не впервой – четвёртый год!

И Инстенбург, и Фридланд уже пали,
А впереди дорога на Берлин.
Какие парни здесь, какие парни –
Все данной клятве Родине верны!

Не долгов бой был этот, но неистов,
Взята и эта вражья высота.
Лежать осталось сорок пять фашистов,
А остальные в плен – их больше ста.

Но без потерь всё ж не бывает боя.
Пал командир. Вина тому война.
...Багратионовск помнит, чтит героя,
Стихи его читает вся страна!

Звание дипломанта – **Мавлиханов Рустам Ризаевич** (публицистика) – родился в 1978 году.
Живет в г. Салавате (Республика Башкортостан, Россия).

Шиханы

Безусловно, у каждого есть душа. Я не язычник, но, тем не менее, верю в это. Ведь, восхищаясь чем-то прекрасным, мы не скользим взглядом по пустому великолепию форм, а ищем в том что-то свое, близкое и знакомое, и потому всему, что мы любим и что нам дорого – будь то собака или камень, – мы даем свои, родные нам имена. И в человеке, красивом ли, нет ли, насытив глаз линиями тела и чертами лица, мы ищем то, что наполняет его и делает живым и понятным. Так и гора. Представь вдали на рассвете или в блистательном полудне, удивив взгляд далеким совершенством, белоснежным величием (а наши горы белоснежны и в летний зной), она будит ту странную часть души, которая еще помнит, чем дышит земля и где струится и гремит жизнь, и манит, и не дает покоя. И, приблизившись к серой громаде, мысленно поднявшись по всем морщинам и складкам к вершине, вздыхаешь, прогоняя трепет, и – в путь. И если гора окажется достаточно скалиста и беспокойна, то здесь начинается танец – танец, который дороже самой вершины, танец, приоткрывающий саму душу горы.

Вот предо мною четыре шихана. О них сложено множество легенд, но от тех легенд возникает ощущение, что все эти горы злы: вы подумайте только, одна гора – труп коня и узилище для красавицы (Тратау), другая – тело отвратительного Ашаке-хана (Шахтау), третья – хищный сокол, пытавшийся задушить в когтях вечно светлую Агидель (Куштау), четвертая – мрачнее всех – сердце матери, вырванное обезумевшим от любви сыном (Юрактау). Может, они и отражают истину, но мне характер гор за время частых вояжей по ним показался иным, о чем и попытаюсь поведать.

Начнем с малой. Юрактау, в просторечье – Лысая (до чего же наш народ любит это имя), не вышла ростом, но в то же время не обделена популярностью. Потому и говорить о ней будет нелегко: немало людей избрало гору своей Меккой, и почти каждый решит, что обязан поспорить со мной, но все же... Склоны ее, в общем-то, не очень крутые, с одной стороны обрываются отвесными скалами, и в яркий летний день – розовеют вдали кожей младенца. Младенца – не только из-за роста. С уфимской дороги эта гора кажется отпрыском более мрачной и увесистой Куштау, отколовшимся от нее то ли ребетёночком, то ли догом. Этот ребенок... шаловлив? – вряд ли. Ведь нельзя же назвать шаловливым ручей, бьющий из-под скал. Игрив? – скорее, ибо какая же дорога не любит играть с путником, какой же лес не попытается завести в чащобу, какая же скала... Но это не котенок, что на

забаву всем бегают за мышкой бумажной и вряд ли задушит живую; это не щенок, что всегда ласков и предан, – это человеческое дитя, милый и безобидный ребенок, да еще совсем безгрешненький, чудесненький, красивенький, лишь иногда – случайно – ломающий какую-нибудь погремушку, раз оторвавший мишке лапу, ну уж совсем редко подвешивающий кошку за хвост, а собаку за уши. Но это – всего лишь испытание окружающего мира «на вкус и прочность». И нельзя судить: детям не знакома человеческая мораль, почему же мы требуем ее от природы? И эта гора – всего лишь игривый, пышущий здоровьем, слегка жестокий ребенок; и маленькому человечку, который полезет играть с ее скалами, может выпасть немалая радость, а может... Тогда скажут, дескать, он выбрал маршрут, не соответствующий его подготовке, и тому подобное. Такие эксцессы детства, как повешенный «предатель» или растерзанный голубь, хочется надеяться, так и останутся эксцессами. В конце концов, дело ограничивается отдавленными лапами и обрубленными хвостами, да и, по рассказам, на этих скалах погибли от силы один-два человека.

Куштау (Долгая) тоже не прочь поиграть, да вот беда – желающих маловато: лес и утомительные склоны отпугивают людей, и потому ей приходится больше времени уделять себе – свойство взрослеющих детей. Таким детям уже не интересно целый день теревить кукол и машинки – они начинают заглядываться на облака и о чем-то мечтать, они уже не гоняются за каждой кошкой и способны просто любоваться бабочкой, не отрывая ей крылья. В них проскальзывает нечто, что позже, возможно обернется в мудрость. Иногда они могут, сорвав цветок, часами вдыхать его аромат; или, затаив дыхание, смотреть на синицу, заскочившую в форточку; или, разлегшись на земле, направлять бег муравья, не давая ему уползти, по складкам ладони... Иногда гора, поймав человечка, который измельчал от котенка до божьей коровки, подолгу водит его по своим линиям судьбы и сердца, внезапно открывая долины и орлиные гнезда и спрашивая у этого странного создания: «Чувствуешь ли ты мою боль?»

Это человек, повзрослевший быстро. Мне не ведомо, каким он был раньше, но сейчас кажется, будто он и не ребенок вовсе, а многое повидавший и испытавший старик. Они жили рядом долго, слишком долго для того, чтобы не забыть о своей смертности; они веками о чем-то переговаривались между собой, и ветра разносили их шепот, похожий на шелест самой вечности, по синим лесам... И вдруг (все боится времени – время боится гор?!) кто-то из них быстро, в одночасье, погибает в судорогах и мелкой дрожи. Люди от страха седеют, но седина, бывает, красит их. Поседевший лес, умирая в скорбном молчании, не красит никого. Деревья просто ложатся под ноги своим еще живым сестрам. Такого количества упавших на землю черных стволов я не видел ни в одном лесу. Конечно, можно все списать на экологию, близость большой химии, но лес растет и в более пропавших местах. Нигде он не погибает так, как на склонах этой горы, крича безнадежно... и безмолвно. Крик не спас даже гору, что уж говорить о каком-то...

Гримаса слов: гора с именем, которое мы традиционно воспринимаем как царственное, – Шахтау, та, которой поклонялись многие поколения, их потомками, лилипутами вокруг Гулливера, червями вокруг трупа, истерта в песок. Много страниц – возмущенных и восторженных, идеалистичных и прагматичных – исписано о ней. Но что можно сказать о мертвом? – либо хорошо, либо ничего. Можно спеть погребальный плач, или – дифирамбы былой ее красоте, можно попытаться отомстить – только кому? – да ведь ее не вернешь. Ее больше нет, и с этим ничего не поделаешь. И что нам с того: урок? – люди коротки на память, боль? – она еще короче. И это конец.

Но смерть умеет не только обращать нас в горе и уныние, но и петь о своем величии, о своей, может, несколько жуткой, красоте. Нередко лишь в смерти видна истинная ценность человека: некий гений умирает, скорчившись от страха, готовый лобзать кого угодно – врача, палача, костлявую, – лишь бы вымолить себе еще немного времени; некий юродивый, умирая, оставляет по себе долгую память – и скажут после о нем: «Он был пророк, но угораздило ж его в отечестве своем остаться»; некто ее спокойно встречает, воздаст долги, одевается в чистое и засыпает; кто-то – в гневе или в истерике – продает жизнь: за ломаный грош или «как можно дороже»; а кому она и даром не нужна; кто-то в

последний миг понимает ВСЕ (дай бог, чтоб не с ужасом); кому-то и десять смертей нипочем... Это все – банальные истины, но люди поздно над ними задумываются, просто боятся их помнить, как дети боятся темноты. А потому и ищут величия где кто может: в звездном небе и вавилонской башне, в бескрайнем море и в строках древних, а еще – в седых горах...

Вы видели, как сияет Арарат в небе Еревана? За легкой сизой вуалью, будто оторванный от земли, он плывет в выси то ли недостижимым кораблем, то ли светлым божеством; и даже в ночи чувствуется далекое дыхание этого алмаза, и кажется, что, пока стоит гора, стоит и город. Он не царь, его гордое одинокое величие само вызывает почтение, как рождает уважение благородный отшельник, отнюдь не ищущий власти. Смешно, наверное, сравнивать Тратау (Шихан) с высочайшими пиками, но ведь суть не в росте: в Ютландии есть гора Небесная, эдакий Олимп датчан, высотой 170 метров – Тратау в два раза выше.

Я отношусь к ней особо: это первая гора в моей жизни, которую я ощутил как живую, на которой впервые понял, что, оказывается, можно танцевать и со скалами.

Долго, долго я смотрел на нее издали, и она все более овладевала моими мыслями; ее тяготение, подобно зову кроваво-полной восходящей луны, будило в душе нечто древнее и пугающее, от чего расширяются глаза и вскальваются губы, а тело готово то ли броситься в пляс, то ли сладко и с силой упиваться своим воем. Может, в этом и заключается некоторая ее «мрачноватость», да еще то, что, как всякий алтарь, она ждет поклонения, но, стоя пред ее величием, понимая собственную малость, краткость и ничтожность, ощущая себя не более чем пылинкой (насколько б ни был Данте поражен в конце своего Путешествия, ему Любовь стремилась страсть и волю), на краткий миг вспоминаешь, что ты – Человек, Образ и Подобие Божие, и в это мгновение гора, даже не подозревавшая о твоём существовании, вдруг замечает тебя и, ответив едва заметной полуулыбкой: «Эх, ты, дитя неразумное», – вновь погружается в себя. Нет смысла говорить о том, что она как-то относится к людям, ползающим по ее склонам, – проявляете ли вы какой-либо интерес к пылинке на вашей туфле? И снова – «Мы с Тобой одной крови – Ты и Я!» Но... остается лишь молча поклониться созерцающему Нечто мудрецу – каменному Будде в лотосе лесов... Увы, можно долго расписывать пышно-безвкусные золотые дворцы, но на то, что действительно чисто и прекрасно, всегда не хватит музыки, и те слова, что сказаны, всегда немного не то, что нужно. Сердце, что Любовь – в слова не облечь, в бумагу не заковать. Жизнь есть достояние не одного лишь человека. И это уже – несомненно!

Примечание

Легенда про Агидель и Ашака

Джигиты аула, где жила Агидель, бросали недобрые взгляды, но страх перед сыном правителя края останавливал их. Лишь один из парней, самый смелый, самый влюбленный, вступил с Ашаком в поединок, хотя и был безоружным. Но не поддержали друзья отчаянного джигита. Безжалостно расправился с ним молодой Ашак. Он набросил на него аркан и, красуясь на коне, протащил несчастного по уличной пыли. Видела это Агидель, в ее сердце вспыхнула ненависть к злему, заносчивому красавцу.

– Не приходи больше, – сказала она Ашаку. – Ты приносишь людям горе, я не могу быть с тобой счастливой.

– Какое нам дело до людей? – ответил Ашак. – Я увидел тебя, будешь купаться в шелках и золоте, и дом наш будет полной чашей.

– Нет. Счастье двоих возможно только тогда, когда счастливы все люди, весь народ.

– А-ха-ха! – засмеялся Ашак. – Все равно будет так, как я захочу.

Неожиданно он перекинул Агидель через луку седла и помчался во весь опор к своему шатру.

Агидель сумела вырваться из его крепких рук, спрыгнула на землю и побежала. За спиной бешено стучали копыта коня, но Агидель увертывалась то вправо, то влево, не даваясь преследователю. После сумасшедшей скачки конь забежал вперед, вдруг захрипел и со стоном пал, загородив дорогу Агидели. Ашак торжествовал победу. Тогда Агидель в отчаянии закричала:

– Отец, спаси меня!

– Никто не придет тебе на помощь, – зло усмехнулся Ашак. – А вот за любимого коня ты у меня получишь.

И он хлестнул девушку камчой.

Но грозно встал вдали старик Урал. Сдвинул седые брови, закричал сердито. И превратилась Агидель в светлую речку.

Побежал Ашак за ней, да никак не мог удержать ее, она выскальзывала из пальцев. Тогда он упал на ее пути, надеясь собой перегородить дорогу. Обогнула его и протекла мимо прекрасная Агидель.

В сердцах Ашак сорвал с плеча сокола и бросил вдогонку девушке, обернувшейся речкой. Сокол раскинул крылья на пути Агидели – только и это не помогло.

– Вернись, Агидель! – закричал в тоске Ашак. Он вдруг понял, что не сможет без нее жить. Агидель, не слушаясь, бежала дальше.

Тогда Ашак вырвал из груди свое сердце и бросил его под ноги Агидели. На миг остановилась Агидель, прикоснулась к сердцу, обежала его вокруг, да уже не могла остановиться. Ведь она навсегда стала речкой. Унеслась, уплыла она к старшей сестре Каме, а та отвела ее к Матери Волге.

И стоят с тех пор на том месте, где Ашак хотел остановить Агидель, четыре шихана: Юрактау, что означает «сердце-гора», Куштау – двугорбая гора, Шахтау, который в старину называли Ашактау, и одинокий шихан, похожий на задранную морду павшего коня, но гору прозвали Торатау.

Добавить комментарий

